

Н. А. БАКЛАНОВА

О датировке „Повести о Ерше Ершовиче“

„Повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове“, или, как она называется в других списках, „Список с судного дела, как тягался Лещ с Ершом о Ростовском озере и о реках“, принадлежит к числу популярнейших произведений старинной русской литературы. Списки ее сохранились в различных вариантах, начиная с XVII века. По словам Кантемира, „Повесть о Ерше“ продавалась в его время вместе со сказкой о Бове в Москве на Спасском мосту.¹ Уже в начале XVIII века, если не ранее, „Повесть“ была переработана в сказку и рифмованную повесть; позднее она вошла в лубочные издания. Кроме того, следы ее влияния сказались на позднейших произведениях.² Отдельные фразы из этой „Повести“ вошли в употребление в качестве пословиц и поговорок и были включены В. И. Далем в словарь, например: „бил ерш челом на лихого леща“; „тягался, как лещ с ершом“; „выжил, как ерш леща“; „ушел в ершову слободу“; „ерш — неспорое кушанье, на грош съешь, а на гривну хлеба расплюешь“;³ „вселился, как ерш в Ростовское озеро“.⁴ К „Повести о Ерше“ восходит и присловье о ростовцах, приводимое И. П. Сахаровым в „Сказаниях русского народа“:⁵ „Озеро соломою зажигали!“.

Однако, несмотря на эти свидетельства популярности „Повести“, она дошла до нас в гораздо меньшем числе списков, чем этого можно было бы ожидать. В. П. Адриановой-Перетц, специально занимавшейся „Повестью“, был известен 21 список ее и 5 записей устной сказки. Из 21 списка 4 представляют собой только небольшие отрывки, а 2 дефектны. В. П. Адрианова-Перетц, изучив списки „Повести“, подразделила их на 4 редакции. Перечислив в своей работе списки каждой из этих редакций, автор приходит к следующему выводу: „Все эти редакции при общей основе настолько серьезно разнятся между собой, что не могут быть представлены в виде вариантов к одному какому-либо списку. Их приходится рассматривать как самостоятельные

¹ Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с кратким описанием его жизни. Изд. Акад. Наук, СПб., 1762, стр. 163.

² См. эпизод с ершом в сказке П. П. Ершова „Конек-горбунок“ (П. П. Ершов. Стихотворения. Л., 1931).

³ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. СПб., 1903, стр. 537.

⁴ И. М. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, стр. 61.

⁵ Т. 1, СПб., 1841, отд. V, стр. 115.

моменты в жизни одного и того же по существу памятника¹. Присоединяясь к этому выводу, можно сказать даже больше: они не только разнятся между собой, но и в пределах отдельных списков есть противоречия, указывающие на испорченность текста. Возьмем для примера список первой редакции, напечатанный В. П. Адриановой-Перетц.² „Судный список“ начинается со слов: „Суд судил большей боярин и воевода Осетр, окольников был Сом с большим усом“. Таким образом, перед нами провинциальный суд, производившийся воеводой и его „товарищем“. Вслед за этим помещена челобитная Леща: „Господам моим новгородским судьям Осетру да Белуге, да Белой рыбице бьет челом“ и т. д. Как следует понимать это выражение: „новгородским судьям“? Повидимому, под ним надо подразумевать судий Новгородского приказа или, иначе, Новгородской четверти — центрального учреждения, ведавшего территорией, принадлежавшей прежде Великому Новгороду. Если так, то непонятно, почему выше шла речь о воеводском суде и почему, обращаясь к судьям, челобитчик называет их „господа“, тогда как челобитные, подававшиеся в приказ, всегда писались на имя царя („государю, царю и великому князю... бьет челом“ и т. д.). Объяснить это можно только тем, что эпитет „новгородские“ появился позднее, под пером переписчика, имевшего какое-то отношение к Новгороду Великому. Встретив в тексте термин „судьи“, под которым во второй редакции³ подразумеваются земские судьи в соответствии с остальной номенклатурой земских властей, он решил исправить непонятное для него выражение вставкой слова „новгородские“.

Переписывая „Повесть“ дальше и дойдя до места, где говорилось о вызове „общей правды“⁴ — рыбы Ладоги, которая живет в Новгородской области, в Ладожском озере, он и здесь решил пополнить текст знакомыми географическими названиями и заменил Ладожское озеро „рекою Наровою“⁵ в Немецкой области“. Вот как можно объяснить то противоречие, что дело, происходившее в Ростове, разбиралось в Новгородском приказе. Надо добавить, что даже если бы судебное разбирательство дошло до центра, то и в этом случае оно производилось бы не в Новгородском приказе, так как Ростов был в ведении Галицкой четверти.⁶

Другое противоречие находим в определении социального положения тяжущихся сторон. В челобитной Лещ называет себя „сынчишко боярской“, „кормовой сынчишко боярской“, что противоречит другим редакциям, в которых он предстает перед нами в качестве крестьянина. В. П. Адрианова-Перетц делает из этого противоречия определенные выводы: „Другая группа читателей, выдвигающая на первый план мысль о несправедливости тяжбы, делает Леща «крестьянином ростовского уезду», а его обидчика, ерша выводит из рода «детешек боярских мелких бояр»“.⁷ Между тем, изменение в определении социальной принадлежности одной из тяжущихся сторон является очевидной ошиб-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 129.

² Там же, стр. 147—150.

³ О том, что вторая редакция старше первой, см. ниже.

⁴ „Общая правда“ или „общая ссылка“ — остаток третейского решения споров сторон на суде — ссылка обеих сторон на одного и того же послуха, имевшая безусловное значение в судебном процессе XVI века.

⁵ т. е. Наровою.

⁶ См.: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II. М., 1916, стр. 623.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 131; ср. стр. 137.

кой: в том же списке Ерш называет Леща крестьянином, да и сам Лещ в челобитной называет себя „сиротой“, а этим термином в официальных документах называли себя люди „тяглые“, посадские и крестьяне, тогда как служилые люди, к каким принадлежал сын боярский, должны были называться „холопами“. Все эти тонкости были, конечно, хорошо известны автору „Повести“, близко знакомому с миром челобитных, и сделать такую ошибку он не мог. Следовательно, и в этом случае надо предполагать позднейшую порчу текста.

Таковую порчу можно наблюдать и в других местах этого списка. Например, в челобитной Леща говорится: „В прошлых, господа, годех было то Ростовское озеро, реки и источники за нами, сиротами, а тот Ерш лишил нас того Ростовского озера“. Между тем, до этого в челобитной еще не упоминалось ни о Ерше, ни об озере. Следовательно, здесь должен быть какой-то пропуск или сокращение. Затем: воевода Осетр, главный судья, выступает в конце „Повести“ в роли послуха на суде, чего вообще не могло быть: одно и то же лицо не могло одновременно, при разборе одного и того же дела, быть и судьей и свидетелем. Кроме того, рассказ Осетра заканчивается описанием его поимки в невод. Таким образом, в изложении „Повести“ получается несообразность: как Осетр, попавший в невод, мог оказаться затем в роли воеводы на суде?¹ Это противоречие разрешается списком второй редакции, по которому эта часть рассказа принадлежит другому лицу — окольниковому Сому, передающему случай, происшедший с его братом. Ясно, что в первой редакции эти два рассказа неудачно соединены в один.

Имеется и еще противоречие. В начале „Повести“ окольниковый Сом является судьей, в конце он — всего лишь дьяк.

Таких примеров можно было бы привести немало по разным редакциям. Но и этих достаточно, чтобы видеть, какой порче подвергались списки в результате их неоднократной переписки.

* * *

Различия между редакциями и противоречия, имеющиеся в пределах одного и того же списка, при довольно ограниченном количестве последних, породили ряд неясностей в представлении об этом произведении. В. П. Адрианова-Перетц, сделав краткий обзор литературы о „Повести“, пришла к выводу, что „относительно происхождения повести о Ерше все не ясно: XVI или XVII столетия этот памятник, осуждает он или нет судебные порядки Московской Руси, какие политические события нашли себе в нем отражение“.²

Эта неясность отразилась в суждениях исследователей „Повести“. И. П. Сахаров, которому принадлежит первое по времени высказывание о ней, нашел, что она „носит на себе отпечаток какой-то непонятной для нас сатиры... В списке Ляликова, разделенная на отдельные пункты, она, вероятно, тогда представляла вид деловой бумаги. Замечательно, что в ней сохранилось вполне и старое делопроизводство, и форма старых бумаг“. Он относил ее появление к XVI веку

¹ Позднейшая переделка „Повести“ специально вводит новый эпизод, чтобы устранить это противоречие.

² В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 125.

³ И. П. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841, стр. 273.

А. Н. Пыпин в своем „Очерке литературной истории повестей и сказок русских“¹ считал, что это чисто литературная сатира, и осторожно датировал ее XVI—XVII веками. Д. А. Ровинский² и А. Н. Афанасьев³ вслед за Сахаровым относили „Повесть“ к XVI веку. К этому же времени склонен был относить ее и И. М. Снегирев.⁴

И. А. Шляпкин высказал другую точку зрения. Он различает в „Повести“ 2 извода. Первый извод, по его мнению, появился „вероятнее всего, в ближайшую после «смуты» эпоху, когда права на владение являются наиболее спорными ввиду потери старых памятней и когда процветают разбой“. К первому изводу примкнула легенда о тяжбе за Ростовское озеро между потомками Петра Ордынского и ростовскими князьями. На основе этого материала появился второй извод „Повести“, составленный по „Уложению“ Алексея Михайловича. Чтобы устранить неизбежные возражения против такого вывода, указывающие на наличие в „Повести“ старинных судебных терминов, известных задолго до „Уложения“ и не вошедших в него, таких как „доводчик“ и „судные мужики“ (т. е. „судные мужи“),⁵ автор вынужден сделать неправдоподобное предположение, что „это могут быть вставки, сделанные впоследствии, в силу местного обычая, особенно на Севере, в Новгородской волости“.⁶ К точке зрения Шляпкина примкнул Ф. П. Сушицкий с оговоркой, что он считает „все же пока мало обоснованным это утверждение“.⁷

Ввиду противоречивости и неясности суждений о времени и месте составления „Повести“ В. П. Адрианова-Перетц пришла к мысли о необходимости заново пересмотреть списки „Повести“, чтобы устранить неясности, не разрешенные предшествующими исследователями. В результате этой работы выяснилось, что „образующие ее (повесть,— Н. Б.) судебные формулы в большинстве своем очень старые... гораздо старше «Уложения»... Поэтому нет никаких оснований принимать категорический вывод проф. Шляпкина: «... совершенно тем же порядком протекали земельные тяжбы и в XVI в.»“. Но, сделав этот вывод, автор все же находит, что „одно сопоставление с документами не может еще решить вопрос о времени ее создания“, так как „язык судебных (как и других) документов Московской Руси был чрезвычайно консервативным. Гораздо более показательна в данном случае самая форма пародии, которая делается употребительной в литературе второй половины XVII в.“. Автор приходит к выводу, что „литературные признаки скорее говорят за то, что повесть о ерше создана не в первой, а во второй половине XVII в.“.⁸

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 299—300.

² Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. V. СПб., 1881, стр. 151—154.

³ А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. 1. М., 1897, стр. 62.

⁴ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 59—66.

⁵ „Доводчиками“ назывались в Судебниках лица, на обязанности которых лежал вызов сторон на суд (в провинции). „Судные мужи“ для XVI века представляли уже пережиток старины — отголосок прежнего участия в суде населения. Они как знатоки местного обычного права должны были наблюдать за правильностью судебного процесса и могли вмешиваться в его ход.

⁶ И. А. Шляпкин. Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове. ЖМНП, 1904, август, стр. 380—400.

⁷ Ф. П. Сушицкий. Из литературы эпохи Петра Великого. Повесть о Ерше и челобитная Петру Алексеевичу. Филологические записки, Воронеж, 1913, IV, стр. 534—546.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 145.

Последнее по времени высказывание о „Повести“ принадлежит Н. К. Гудзю. Он находит, что „у автора сатиры-пародии видно знакомство с правыми и судными грамотами, оформлявшими судебные процессы еще в XV в., а также, быть может, с «Уложением» царя Алексея Михайловича“. Хотя конец фразы не заключает в себе определенного вывода, Н. К. Гудзий все же утверждает, что „Повесть“ написана „на тему о судебных порядках Московской Руси“, „видимо, не ранее середины XVII в.“, и помещает ее в отделе сатирической повествовательной литературы XVII века.¹

Как видно из сделанного обзора, положение с „Повестью“ и по настоящее время продолжает оставаться неопределенным. Неясно, когда она возникла, существуют разногласия по вопросу о том, где она появилась, не установлены также количество и последовательность ее редакций. Изложенные обстоятельства делают нелишним новый пересмотр „Повести“. Это уместно еще потому, что в настоящее время в Институт русской литературы поступил список „Повести“, который до сих пор не был известен исследователям и который, будучи во многих отношениях лучшим,² может помочь устранить некоторые сомнения, возникавшие в связи с несовершенством списков „Повести“.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению списков. В. П. Адрианова-Перетц считает, что древнейший тип „Повести“ „полностью не покрывается ни одним из сохранившихся списков“; его следует искать в первой и отчасти второй редакциях. Но все же автор находит возможным „считать наиболее близкой к авторскому тексту именно первую редакцию“, так как для нее характерна „сохранившаяся наиболее ... четко близость ее схемы к «правым грамотам» и «судным спискам»“.³

Нам кажется на основании анализа терминологии „Повести“, что первая редакция является сокращением той редакции, которая представлена списками Уваровским и Института русской литературы (помещаемым ниже) и которую В. П. Адрианова-Перетц считает второй. Таким образом, вторую редакцию следует считать наиболее древней и близкой к первоначальному тексту „Повести“.⁴ В дальнейшем, не меняя во избежание путаницы нумерации, установленной В. П. Адриановой-Перетц, будем называть вторую редакцию (самую древнюю) — полной, а первую (следующую за ней по порядку) — сокращенной.

В списках сокращенной редакции есть вставка, которая дает возможность приблизительно датировать время появления этой редакции. Сельдь, давая отрицательную характеристику Ершу, иронически замечает: „Знают де ево на Москве на Земском дворе и во иных городех земские ярыжки и бражники“. Земский двор упоминается во всех списках этой редакции, в то время как в списках полной редакции соответствующее место читается так: „Знают Ерша на Москве

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 5-е, М., 1953, стр. 399—400.

² Описание этого списка, а также сборника, в состав которого он входит, дается нами ниже. Цитаты из „Повести“ без указания на список взяты из публикуемого списка.

³ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 129.

⁴ Недаром она и сохранилась в гораздо меньшем количестве: два полных списка (XVII и второй половины XVIII веков), один без конца (начала XVIII века) и два отрывка (конца XVIII и XIX веков), тогда как списков первой редакции известно десять.

бражники, и голыши, и всякие люди“. Земским двором в Москве называлось учреждение, ведавшее благоустройством города, полиция. Первое упоминание о нем встречаем в документах 1572 года.¹ Со второго десятилетия XVII века наряду с этим термином употребляется в качестве его синонима название „Земский приказ“.² Окончательно термин „двор“ сменяется „приказом“ в середине XVII века.³ Из этого видно, что вставка была сделана не позже, чем в первой половине XVII века. Если это так, то, следовательно, полная редакция должна быть отнесена ко времени, еще более раннему.

Однако и она носит на себе следы позднейших вставок и добавлений. Так, следует считать вставкой слова: „боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольных был Сом больших волжских предел“, потому что состав суда определяется судьями (Белуга ярославская и Семга переславская) и „судными мужиками“ (Судак и Щука). Осетр и Сом являются здесь лишними, тем более что в дальнейшем показания их на суде противоречат их роли как судей. Вставлено позднее также упоминание о Разряде, учреждении, ведавшем служилыми людьми, что совершенно не вяжется со всем судебным разбирательством, происходящим в провинции, в судной избе. Наконец, в тексте этой редакции (по списку, помещенному ниже) есть неясные места — повторения, нарушающие целостность текста и указывающие на его испорченность.

Таким образом, и полную редакцию нельзя считать первоначальной. Но она ближе других к протографу „Повести“. Это видно из того, что все разночтения списков других редакций, восходящие к более древнему тексту, находятся в этом списке (за одним исключением, о котором будет сказано дальше) и, с другой стороны, есть такие следы протографа, которые нигде, кроме этой редакции, не встречаются. К первым принадлежат: „судные мужики“, „добрые люди“, встречающиеся, кроме того, в списках сокращенной редакции, ко вторым: „ссылка из виноватых“,⁴ „божия правда“, „общая правда“, „послушество“, „деловальник“, „гнать след“.⁵ Только в списках этой редакции встречается указание на то, что Лещ был холопом Ерша и освобожден им; при перечислении тех групп населения, которые знают Ерша, названы: земские старосты, земские люди, „весь мир“ и „голова стрелецкие“. Свидетели называются более древним термином „третий“⁶ (интересно, что в списках более новых наряду с этим термином встречается „четвертый“ — показатель того, что к этому времени значение слова „третий“ в данном употреблении стало уже непонятным). Только в списках этой редакции упоминается о пожаре Ростовского озера.

Из старинных терминов, утраченных этим списком, можно указать только на название „гости-сурожане“, сохранившееся в одном из списков сокращенной редакции (в Забелинском, № 536).

Перечисленные древние юридические термины, встречающиеся в „Повести о Ерше“, известные еще по юридическим памятникам XIV—XV веков (судным спискам и правым грамотам), а в некоторых

¹ Сибирский сборник. М., 1845, стлб. 34.

² Акты исторические, II. СПб., 1841, № 355.

³ Уложение 1649 года. М., 1649, гл. XIX, статья 40.

⁴ „Ссылкой из виноватых“ (в отличие от „общей ссылки“ или „общей правды“, о ней см. выше) в судебном процессе XVI века назывался тот случай, когда одна из тяжущихся сторон ссылалась на свидетеля с условием подчиниться обвинению, если свидетель покажет против сославшегося на него. „Ссылка из виноватых“ имела безусловное значение в процессе XVI века.

⁵ Этот последний термин встречается еще в „Русской правде“.

⁶ „Третий“ то же, что и „общая правда“.

случаях еще более ранних (Русская Правда), и дали основание исследователям XIX века отнести эту повесть к XVI веку, ко времени Судебников, которые фиксировали древнее судоустройство и судопроизводство. Однако, как упоминалось выше, И. А. Шляпкин нашел, что „форма тяжбы Леца носит на себе ясные следы влияния «Уложения», а присутствие таких старинных терминов, как „доводчик“ и „судные мужики“, может быть, по его мнению, объяснено их позднейшими вставками „в силу местного обычая, особенно на Севере, в Новгородской волости, а дело как раз происходит с уроженцем озера Кубенского“.¹ Но упоминание об этих терминах встречается и в тех списках, в которых ничего не говорится о Кубенском озере, например, в списке Института русской литературы; кроме того, наряду с этими „архаизмами“ мы встречаем в „Повести“ другие древние термины, не связанные с судебным процессом и не характерные для северной, Новгородской области. Это, во-первых, древнейшее обозначение гостя — „сурожани“, встречающееся в списке Забелина № 536;² во-вторых, рассказ Ерша о том, что Лец и Головаль были у отца его в холопах и что после смерти отца он отпустил их на волю с семьями, но оставил их жить у себя в качестве крестьян, „а иное их племия (т. е. родственники, — Н. Б.) и ноне есть у меня в холопах у дворе“. Последнее обстоятельство указывает на то, что здесь имеется в виду наиболее древняя форма холопства — „обельная“ или „полная“, известная еще Русской Правде и постепенно уступавшая место другой — кабальному, временному холопству, чаще встречавшемуся в XVII веке.

Еще И. М. Снегирев указал на отражение в этом рассказе обычая, „основанного на правилах Кормчей книги, отпускать обельных или полных холопов на волю «по душе отцовской для поминовения»“.³ Известно, что во второй половине XVI века, с развитием феодального землевладения и усилением крестьянского закабаления, применение малопроизводительного труда холопов становилось невыгодным и постепенно сокращалось. Это явление нашло отражение и в законодательстве: Судебник 1550 года сокращает источники полного холопства. Церковная литература XVI века придавала этому социально-экономическому процессу форму акта личной „милости“ феодала. Та же мысль проводится и в ранней редакции Домостроя, восходящей к XV веку. Приведенная выше фраза Ерша об отпуске им на волю холопов и

¹ И. А. Шляпкин, ук. соч., стр. 394.

² Здесь вместо „гости“ употреблено выражение „гости и срожня“, что следует читать „гости-сурожане“. Этот термин встречается в летописях XIII и XIV веков. Как известно, он происходит от названия „Сурож“ — генуезская колония в Крыму, на месте которой теперь находится Судак. Отсюда до открытия в XVI веке северного пути через Белое море шли главным образом иноземные товары, преимущественно шелковые ткани, которые поставляла Италия. Купцы, привозившие в Москву эти товары и торговавшие ими, стали называться сурожанами. В летописи этот термин употребляется как синоним крупнейших купцов. Впоследствии он потерял свое значение, хотя в московских рядах еще и в XVII веке был ряд, называвшийся Сурожским, в котором торговали привозными, преимущественно шелковыми материями. В XVI веке этот термин как обозначение высшего разряда торговых людей вытесняется термином „гости“, что видно как раз в данном случае: здесь одного старого термина оказалось мало и рядом с ним поставлен более новый — „гости-сурожане“. В XVII веке его не встречаем в таком понимании вовсе (см.: В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. Известия ГАИМК, вып. 127, 1935). В другом списке той же редакции, относящемся по всем признакам к XVII веку (по мнению В. П. Адриановой-Перетц — петровского времени), в соответствующем месте текста стоит: „гости и гостиный сотни и посацкие люди добрые“, т. е. перечислены разряды торгового населения.

³ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 65.

о переводе их в крестьяне правдиво отражает этот процесс, характерный для XVI века.

Как гости-сурожане не входили в состав населения Северной области Русского государства, так и холопство не было характерным явлением для Севера. „Гости-сурожане“ и „холопы“ — термины, показательные преимущественно для центральных областей страны. Следовательно, если придерживаться точки зрения И. А. Шляпкина о позднейших вставках древних терминов в текст „Повести“, то надо предположить, что такие вставки сговорились делать и северяне и жители центра. Впрочем, термин „сурожане“ исчез в XVII веке и в центральных областях государства. Это показывает несостоятельность мнения И. А. Шляпкина.

* * *

Но самой существенной чертой для определения времени составления „Повести о Ерше“ является не столько наличие указанных терминов, сколько общий характер судебного процесса, представленного в ней. Многие судебные термины XVI века просуществовали очень долго. В. П. Адрианова-Перетц совершенно правильно утверждает, что язык судебных документов Московской Руси был чрезвычайно консервативным. Но надо, однако, иметь в виду, что за сто лет, протекавшие между выходом Судебников и изданием „Уложения“, и государство изменилось, и социально-экономический строй России сильно изменился: укрепилось многонациональное централизованное государство с бюрократическим аппаратом, опирающееся на дворянскую массу. Эти явления нашли отражение и в судебном процессе. Если многие юридические термины через сто лет и уцелели, то понятия, вкладывавшиеся в них, значительно изменились. В XVI веке судебный процесс был обвинительным.¹ Роль судьи в нем была пассивной. Он должен был лишь следить за тем, чтобы суд протекал соответственно установленным правилам. Обвиняемый пользовался полной свободой в представлении доказательств против обвинения, которое было обусловлено соблюдением определенных обрядностей. Судья не вмешивался в состязание сторон, а лишь ожидал его результатов. Правильность хода судебного разбирательства удостоверялась присутствием на суде „судных мужей“ или „добрых людей“, являвшихся как бы представителями населения. Стороны должны были сами собирать доказательства, а роль судьи сводилась к их регистрации. В числе доказательств на первом месте стояли, если не считать собственного признания обвиняемого, показания свидетелей. Но показание свидетелей в XVI веке было гораздо более решающим, чем в позднейшее время. Недаром это показание носит название „ссылка из виноватых“, если показание „послуха“ или свидетеля было дано только с одной стороны, и „общая ссылка“, „общая правда“, если „послуха“ выставляли обе стороны. Сила его показания была безусловна для обеих сторон. Другим доказательством являлись ордалии: поле, крестное целование или присяга и жребий. Наконец, на последнем месте стояли письменные доказательства. Они не играли еще особенно существенной роли и могли опровергаться всеми другими средствами доказательств.

¹ Со времени возникновения губных учреждений рядом с обвинительным процессом появляются начатки „розыска“ — по важнейшим уголовным делам. Подробнее об обвинительном процессе и об отличии от него „следственного“ („розысчного“) процесса см. в соответственном разделе книги М. Ф. Владимирского-Буданова „Обзор истории русского права“ (изд. 5-е, Киев, 1907).

„Уложение“ 1649 года закрепило приказный характер судопроизводства с господством следственного (розыскного) процесса, при котором роль судьи очень выросла. Судья производит следствие до тех пор, пока находит нужным собирать доказательство, пока в его руках не окажется достаточный материал для вынесения приговора, независимо от желания сторон. Следствие не связано обрядностями, как это было при обвинительном процессе. При следствии очень широко применяется очная ставка, которая непременно сопровождается расспросом тяжущихся. Отношение к свидетельским показаниям меняется: они уже не имеют такой безусловной силы, какой обладали при обвинительном процессе. В „Уложении“ чувствуется недоверие к правдивости свидетельских показаний. Из ордалий поле исчезает вовсе, присяга и жребий остаются, но применение присяги суживается, она допускается только в исковых делах и только по второстепенным пунктам. Зато сильно возрастает значение письменных доказательств, они начинают играть главную роль в процессе. Вместе с тем очень расширяется делопроизводство. Дело начинается с челобитной, которая пишется по установленной форме, открываясь словами: „Государю, царю и великому князю...“. Далее излагается суть просьбы, и заканчивается она восклицанием: „Царь, государь, смилуйся, пожалуй!“¹ Всякий акт излагается письменно, изложение судебного дела занимает целый ряд листов бумаги, которые подклеиваются один под другим и свернутые в трубку образуют „столбец“, достигающий нередко значительной величины. Движение дела намеренно затягивается с целью вымогания взятки, появляется специальный термин: „московская волокита“.

Если мы обратимся к судному делу о Ерше и рассмотрим характер изображаемого в нем процесса, то увидим, что он приближается к обвинительному процессу, характерному для XVI века. В самом деле, судьи, производящие рассмотрение дела, держат себя очень пассивно: они лишь опрашивают стороны, распоряжаются о доставке в суд „общей правды“, и только после показания этой „общей правды“ задают вопрос о наличии „крепостей“ на Ростовское озеро. Выслушав свидетельство „общей правды“, судьи выносят решение.

Переписчики XVII века запутали это изложение обвинительного процесса вставками в него, которыми хотели приноровить устаревший текст к современным им приказным порядкам. Вот почему в списках XVII века „Судного дела Лещу с Ершом“ рядом с судьями появляются боярин Осетр и окольный Сом, неудачно повторяющиеся в конце списка в качестве свидетелей. В глазах переписчиков XVII века дело происходит уже в приказе; поэтому они упоминают то о „Разряде“, в котором переписываются ершовы „животы“, то о „Печатной палате“, из которой выдавалась „правая грамота“ Лещу на Ерша, то, излагая приговор судий, записывают, что они велели Ерша „из приказу выслать вон“; а в конце перечисляют штат приказа. Особенно сильна приказная окраска в списках третьей редакции, в которой протограф переработан в духе приказного делопроизводства значительно сильнее, чем в остальных редакциях. Челобитная о Ерше в этой редакции изложена совершенно безукоризненно, строго следуя форме приказных челобитных, и несомненно вышла из-под пера хорошего подьячего. В допросе, которому судьи подвергают Ерша, видно влияние следственного процесса. Согласно ему, на первое место ставятся пись-

¹ Форму челобитных XVI и XVII веков см.: Акты юридические. СПб., 1838, №№ 32, 37—41.

менные доказательства на право владения Ростовским озером, и когда их не оказывается, тогда уже прибегают к свидетельским показаниям и, по выслушании их, выносят решение.

Таким образом, изображение судебного процесса в „Повести о Ерше“ следует приемам обвинительного или состязательного процесса, характерного для XVI века, когда и была написана „Повесть“. Переписчики последующего времени внесли в нее добавления, характерные для судебных порядков XVII века, чем лишили текст ясности и запутали его; это повлекло за собой различные толкования его исследователями. Кроме того, в XVII веке „Повесть“ была переработана в духе приказного делопроизводства с изложением следственного процесса.

Список Института русской литературы имеет еще то преимущество перед остальными списками той же редакции, что открывается датой: „Лета 7105 (1596 г.), декабря в день было в Большом озере Ростовском съезжались судьи всех городов“.

Таким образом, и характер судебного процесса, и юридические термины, и термины бытовые (сурожане), и исторические факты (отпуск обельных холопов на волю и перевод их в крестьяне), и, наконец, дата — всё это говорит в пользу того, что „Повесть о Ерше“ появилась в XVI веке.

* * *

Исследователи приводили еще одно соображение в пользу отнесения „Повести“ ко времени „после смуты“ — самый факт земельной тяжбы, находя, что, с одной стороны, земельными тяжбами был особенно богат XVII век, а с другой — что после „смуты“ участились случаи захвата земель вследствие утраты крепостных документов на них в это время. Но и то и другое соображение не меняет сути дела. Земельные тяжбы характерны не только для XVII века, но и для предшествующего времени, и для последующего, поэтому самым фактом наличия тяжбы еще ничего нельзя аргументировать. Если же сопоставить этот факт с другими, то его придется понимать по-иному. Вспомним, что вторая половина XVI века — это время установления поместной системы. Правительство в противовес остаткам боярской аристократии выдвигает новую армию из мелких служилых людей — дворян и детей боярских, наделяя их земельными участками, с которых они несут службу. Войны, которые приходится вести государству, требуют увеличения армии. Вследствие этого земельные наделы начинают мельчать, служилые люди для своего содержания увеличивают налоги на крестьян, жизненные условия которых поэтому становятся все тяжелее. Бедственное положение последних ярко изображают современники. Крестьяне, пишет Максим Грек, „во скудости и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядуше, многажды же и без соли от последние нищеты“.¹ Учащаются случаи бегства крестьян от помещиков, и центральные уезды государства начинают пустеть. Помещики сажают на пустые крестьянские участки своих холопов. Этот момент как раз отражен в „Повести“: Ерш объясняет судьям, что Лещ был его холопом, но он отпустил его на волю и посадил на землю крестьянином. С другой стороны, в „Повести“ в лице Ерша очень ярко описан образ обедневшего, голодного и иззябшего мелкого „сынчишки боярского“. Ерш „в Ростовское озеро з женою своею и с детишками своими приволокся в зимнюю пору на ивовых санишках

¹ Максим Грек. Сочинения, т. II. Казань, 1860, стр. 131, 132.

и загрязнился и зачернился“; в другом списке: „захурился и заморозился“. Понятно его желание завладеть Ростовским озером, на котором сидят такие „добрые крестьяне“, „прожиточные люди“ (т. е. состоятельные), какими были Лещ с товарищами.

Помимо представителей этих социальных групп — мелких служилых людей и „прожиточных крестьян“, „Повесть“ дает еще образы боярина Осетра и окольного Сома, принадлежащих к высшему общественному слою. Если в „Повести“ видим доброжелательное отношение к „доброму крестьянину“ и пренебрежительно-добродушное к „лихому человеку Ершишке“, которого „знают на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдется купить хорошие рыбы и он купит ершев, на полденьги возьмет много есть, а более того хлеба розплет, а достала собакам за окно вымечут или на кровлю выкинут“, то к Осетру и Сому отношению автора „Повести“ насмешливое и враждебное. Он осмеивает глупость Осетра, поверившего явно нелепым вымыслом Ерша, и Сома, полезшего по доброй воле в невод, и оканчивает эпизод описанием того, как рыбаки выволакивают Сома на берег и бьют обухами. В одном из списков первой редакции (ГПБ, Q. XVII. 17) Ерш говорит Сому: „Я завел тебя в невод, пусть бы меня, Ерша, и другие толстосумы, ваша братия, в том знали, и при мне бы хвастать и заплескиваться ни в чем не дерзали. Понеже вы люди глупые и нерассудные, только де вы надеетесь на свою спесь и богатство, а нас, малых людей, во всем унижаете, и нас, умных людей, за дураков исчисляете, и ни во что вменяете, того ради вы от своей спеси и глупого высокоумия и погибаете“. Так этот более поздний список (до 1768 года) развивает мысль, вкратце отмеченную в раннем списке.

Таким образом, мы видим, что в „Повести“ изображена не только „борьба младших с сильными старшими“,¹ но и представителей трех социальных групп: родовитого богатого боярства, мелкого служилого люда и крестьянства, взаимно враждебных друг другу. Так автор „Повести“ в живых образах обрисовал основное направление классовой борьбы второй половины XVI века.

* * *

В заключение остановимся на вопросе: где и кем была написана „Повесть“. Место действия в ней названо совершенно определенно: Ростовское озеро. Автору „Повести“ хорошо известна вся речная система, близ которой расположено это озеро. Так, Ерш, по словам Леща, приплывает в Ростовское озеро из своего Ветлужского поместья, по Волге (р. Ветлуга — приток Волги), Которослью (приток Волги, впадающий в нее у г. Ярославля и образующийся из слияния рек Устья и Вексы, которая вытекает из Ростовского озера). Автор упоминает об одной особенности Ростовского озера — его постепенном усыхании. „А как, господа, — говорит Ерш, — то озеро позасохло в прежние лета и стало в том озере хлебная скудость и голод велик“. В тексте „Повести“ упоминается об одном эпизоде, находящем себе подтверждение в истории Ростова. Ерш, оправдываясь в том, что у него нет документов, свидетельствующих о его праве на владение Ростовским озером, объясняет это судьям так: „Господа, скажу я вам, были у меня пути и данные и всякие крепости на то Ростовское озеро и грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро

¹ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 133.

горело с Ильина дни да до Семена дни летоначатца . . . пути у меня и данные сгорели“. Пожары были обычным явлением в старых русских городах, состоявших преимущественно из деревянных строений, но среди них случались иногда особенно опустошительные, которые надолго оставались в памяти и отмечались летописцами. В летописи сделаны записи о некоторых особенно крупных пожарах в Ростове: таковы были пожары 1160, 1211 и 1408 годов.¹ Самым опустошительным был пожар 1408 г. Он истребил почти весь город, а также княжеский и боярские дворы, множество церквей, торговые ряды и училище в Григорьевском монастыре, где хранилось много древних рукописей; при этом погибло до 1000 человек.² Возможно, что в „Повести“ имеется в виду именно этот пожар, оставшийся надолго в памяти местных жителей.

В Ростове, прежней столице княжества, в XIV веке окончательно присоединенного к Москве, на берегу озера была расположена рыболовная слободка. В 1619 году было решено произвести „дозор“ Ростова, чтобы выяснить размеры опустошений, причиненных городу тушинцами и польскими интервентами. В это время рыболовная слободка представляла жалкое зрелище — от нее осталось только три двора: хозяин одного из них был „ссечен“, а двое других „скудны и обнищали, скитаютца по миру“. „Дозор“ 1619 года сохранил некоторые сведения и о прошлом этой слободки, правда, недавнем — 1604 года, когда в ней было 3 обитаемых двора, 1 пустой и 14 заброшенных дворовых участков. Оставшиеся в ней жители „платили на Москве на дворец“³ с рыболовные слободки просольные рыбы щуки по 5 чанов и по 1½ ведра на год, а в чане по 9 ведер, а коли рыбе лову нет, и оне платили деньгами за чан по 1½ рубля. Да с тое ж де слободки ловили подледную рыбу на государев обиход 5 ночей, а шестую на Ростовского митрополита, рыбных ловцов и с неводами и с подводами наймучи“.⁴ Подьячий Посольского приказа Гр. Котошихин, описывая „рыбные запасы“, поставлявшиеся к царскому дворцу, говорит, что красную рыбу и икру привозят в Москву из Нижнего Новгорода, Казани, Астрахани, Терка, с царских рыболовных промыслов; из Великого Новгорода и Ладоги доставляют сига, ладог; из Вологды, Архангельска, Кеми — лососей и семгу. „А живую рыбу про царский обиход держат на Москве в садех (садках, — Н. Б.) и в прудах; а бывает та живая рыба: осетры, белая рыбаца, стерляди, лососи, щуки, судаки, окуни и иная добрая всякая, которая годится ставить пред царя. А ловят самую добрую рыбу в Волге реке, а иную в реках и в озерах, дворцовые рыбники и тяглые люди“.⁵

К числу обитателей Ростовской рыбной слободы принадлежали и те „добрые крестьяне“, Лещ и Голавль, на владения которых, по „Повести“, покушался Ерш.

Итак, „Повесть“ написана в Ростове. На это указывает и то, что ее действие происходит на Ростовском озере, и осведомленность автора о свойствах этого озера и о прошлом Ростова. Автор, несомненно, имел какое-то отношение к рыболовам: ему хорошо известны

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стр. 351, 435—436; вып. 3, 1928, стр. 538.

² Географо-статистический словарь Российской империи, составленный П. Семеновым, т. IV, СПб., 1873, стр. 329.

³ Имеется в виду приказ Большого дворца, ведавший снабжением царской семьи и обитателей дворца.

⁴ А. А. Титов. Дозорные и переписные книги древнего г. Ростова. М., 1880.

⁵ Гр. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е, СПб., 1906, стр. 79.

разные породы рыб и места, в которых они водятся, а также речные системы центральных и отчасти северо-западных областей Русского государства. Если к этому прибавить его прекрасное знание практики судебных порядков, то надо придти к заключению, что „Повесть“ была составлена кем-то из состава административно-канцелярского персонала Ростовской рыбной слободы.

Исследователи XIX века искали основу сюжета „Повести“ в исторических событиях, связанных с Ростовом. Еще И. М. Снегирев заметил: „Содержание самой сказки, повидимому, берет начало в политических отношениях Ростова к Москве, которая некогда скупала его по частям“.¹ Ф. И. Буслаев сопоставил с „Повестью“ „Житие Петра царевича Ордынского“,² составленное, повидимому, в Ростове, по изысканиям В. О. Ключевского, не позже первой половины XIV века.³ В нем говорится о тяжбе, происходившей из-за Ростовского озера между внуками Петра и правнуками ростовского князя, пожаловавшего Петру это озеро К сожалению, нет никаких данных, чтобы ответить утвердительно или отрицательно на возможность таких сопоставлений и сделать из них какие-либо выводы. Весьма вероятно, что подьячий, ведший дела рыболовной слободы и написавший „Повесть о Ерше“, читал „Житие“ Петра Ордынского, и возможно, что тяжба, описанная в „Житии“, могла навести его на мысль использовать этот сюжет для своей сатирической повести. Но во всяком случае утверждать это за отсутствием других данных нельзя.

* * *

В. П. Адрианова-Перетц считает, что, хотя сопоставление „Повести“ с документами приводит к выводу о возможности появления ее до „Уложения“, все же ее следует отнести ко второй половине XVII века. В пользу такой датировки, по ее мнению, говорит „самая форма пародии, которая делается употребительной в литературе второй половины XVII в., и тот яркий реализм, который окрашивает все изложение“.⁴

Однако это соображение не препятствует отнесению „Повести“ к XVI веку. Ведь сатирические произведения появляются в нашей литературе значительно ранее второй половины XVII века. Стоит вспомнить „Повесть о куре и лисице“, относительно которой есть документальное свидетельство, что она уже была в употреблении у читателей 40-х годов XVII века, следовательно, была написана еще раньше, а ее сатира, во всяком случае, острее, чем сатира данной „Повести“; поэтому нет оснований считать „Повесть о Ерше“ произведением более поздним, чем „Повесть о куре и лисице“. Форма пародии встречается в литературе XVI века. Так, например, в этой форме написано известное „Послание Ивана Грозного к Симеону Бекбулатовичу“.⁵ Отдельные элементы сатиры и пародии находим и в произведениях еще более раннего времени, например, в „Слове“ Даниила Заточника.⁶ Наконец, использование в „Повести о Ерше“ формы чело-

¹ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 64.

² Ф. И. Буслаев. Лекции по истории русской литературы. Летописи русской литературы и древностей, т. III, ч. 1. М., 1861, стр. 65.

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 38—43.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 145.

⁵ Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 195—196.

⁶ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.

битной также роднит эту „Повесть“ с литературными приемами XVI века. Именно в это время можно отметить усиление влияния приказного языка на литературные произведения и использование его последними. В форме челобитной написано указанное „Послание Грозного к Симеону Бекбулатовичу“, трактат Ивана Пересветова и другие памятники литературы этого времени. Что же касается реализма „Повести о Ерше“, который В. П. Адрианова-Перетц считает принадлежностью литературы именно второй половины XVII века, то и этот довод, как нам кажется, не препятствует отнесению „Повести“ ко второй половине XVI века, точнее, к его концу. Ведь черты реализма свойственны не только литературе XVII века; их можно найти и в литературных памятниках предшествующего времени, отображающих современные им события, как, например, в летописях, в посланиях, а также и в произведениях устного народного творчества: пословицах и поговорках, к которым так близка „Повесть о Ерше Ершовиче“, вышедшая из народных масс и отражающая их настроения. Близостью к фольклору и жизненностью содержания объясняется популярность „Повести“, выразившаяся в том, что она на протяжении веков составляла любимое чтение народа. Она дошла до нас в ряде вариантов, была переделана в рифмованную повесть и в сказку. Отдельные эпизоды из нее и действующие лица дали пищу для создания пословиц и поговорок.

Произведенный анализ „Повести о Ерше Ершовиче“ в ее различных списках дает возможность сделать выводы о времени ее составления: „Повесть“ была составлена в конце XVI века. Доказательством этому служат:

1) терминология, употребляющаяся при изложении судебного процесса;

2) характер судебного процесса (обвинительный или состязательный);

3) употребление для обозначения понятия „гость“ более древнего термина „сурожанин“;

4) введение в рассказ эпизода с отпуском на волю холопа и переводом его в крестьяне, причем имеется в виду холопство полное или „обельное“;

5) изображение в лице Ерша мелкопоместного обнищавшего служилого человека (сына боярского), охотящегося за землей, населенной крестьянами;

6) большое количество редакций и вариантов, указывающее на продолжительность существования литературного произведения;

7) некоторым указанием может служить и дата, с которой начинается „судный список“, — 1596 год;

8) если бы „Повесть“ была составлена в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII века или вскоре после него, то события этого времени, потрясшие все государство и вызвавшие целый ряд литературных произведений, не могли бы не найти отражения в „Повести“, все содержание которой проникнуто живой действительностью, — тем более, что Ростовская область непосредственно испытала власть польских интервентов;

9) отнесению „Повести“ к концу XVI века не противоречит ее ясно выраженный сатирический смысл и форма, использующая жанр деловой письменности: резкое усиление сатирической направленности литературы наблюдается уже во второй половине XVI века; широкое применение форм деловой письменности — челобитных, посланий — также представляет характерное явление именно этого времени (в литературной деятельности Ивана Грозного, Пересветова и т. д.); в начале

XVII века появляются и пародии на эти деловые жанры — „Послание дворительное недругу“, „Сказание о куре и лисице“.

„Повесть о Ерше“ представляет собой ценный материал как для литературоведа (образец сатирической реалистической повести, близко стоящей к народному творчеству), так и для историков, отражая в живых, художественных, ярко нарисованных образах такое важное явление, как классовая борьба второй половины XVI века. Типичные для этого времени фигуры мелкого служилого человека, охотящегося за рабочей силой, и „доброе“ дворцового крестьянина, отстаивающего свою независимость, наглядно представляют историческое явление, известное нам из деловых документов.

Изучение отдельных списков „Повести“ и сличение их между собой дает возможность сделать некоторые выводы о генеалогии списков. Список Института русской литературы, относящийся к XVII веку, является не только самым старшим по времени, но вместе с тем и наиболее близким к протографу „Повести“. Однако и он носит на себе следы приписок и добавлений, сделанных в начале XVII века и направленных преимущественно к тому, чтобы приспособить терминологию „Повести“ к этому времени.

В первой половине XVII века полная редакция „Повести“ (по классификации В. П. Адриановой-Перетц — вторая) подверглась сокращению (главным образом в конце) и некоторым добавлениям и изменениям, произведенным переписчиком, знакомым как с Москвой („Земский двор“), так и с северо-западной окраиной Русского государства. При этом текст подвергся порче (Лещ вместо крестьянина назван в начале повести по ошибке сыном боярским).

Во второй половине XVII века „Повесть“ была переработана с целью приспособления ее к стилю приказного делопроизводства и отражения в ней характерного для времени „Уложения“ следственного (розыскного) процесса.

В дальнейшем она перерабатывалась в рифмованную повесть и сказку. Обилие пословиц, поговорок и присловий, ведущих свое начало от „Повести о Ерше“, указывает на ее популярность. Последняя объясняется жизненностью затронутой в ней темы.

„Повесть“ была создана, повидимому, в Ростове, на что указывают место действия и некоторые события из истории этого города, отразившиеся в „Повести“. Составителем ее было лицо, хорошо знакомое, с одной стороны, с породами рыб и системами рек центральной и северо-западной областей России, с другой — с судебными порядками того времени: по всей вероятности, это был какой-нибудь дьяк или подьячий, входивший в состав администрации Ростовской рыбной слободы. Возможно, что натолкнуть его на мысль облечь сатиру в форму „судного списка“ тяжбы из-за Ростовского озера могло прочитанное им „Житие Петра царевича Ордынского“, которое было, конечно, хорошо известно в Ростовской области. Материалом же для этого сатирического произведения послужили его собственные наблюдения, сделанные им в „судной избе“; оттого „Повесть“ и носит на себе черты подлинного реализма. Ее жизненность, острота затронутой в ней темы и ее социальная направленность сделали ее одним из популярных произведений древнерусской литературы.

Помещаемый ниже список „Повести о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове“ входит в состав сборника конца XVII и начала XVIII веков (118 л., 8°), приобретенного в 1938 году Институтом мировой литературы Академии Наук СССР и переданного в 1951 году вместе со

всем собранием древнерусских рукописей этого института в Институт русской литературы Академии Наук СССР. Этот сборник составился в XVIII веке из четырех отдельных небольших сборников. Первый сборник (лл. 1—30) состоял из четырех тетрадей, переписанных полууставом и скорописью начала XVIII века (водяной знак — герб г. Амстердама), заключающих в себе: 1) вирши на рождество Христово (без начала), 2) „Повесть о смертном часу всякому человеку“ („Прение живота и смерти“), 3) вирши-панегирик Петру I и царевичу Алексею Петровичу, 4) вирши-плач богородицы, 5) „Слово Иоанна Златоустого, како не ленится чести книги“. Второй сборник (лл. 31—73) состоял из шести тетрадей; на лл. 31, 39, 47, 55, 63, 69 проставлена нумерация тетрадей (с первой по шестую), в тетради пятой не хватает двух листов; эти тетрадки переписаны скорописью второй половины XVII века (водяные знаки — голова шута и герб г. Амстердама, в них содержатся: 1) „Сказание о царех“ („Повесть о граде Иерусалиме“), 2) „Сказание о петухе и о лисице, како лисица петуха на покаяние приняла“, 3) повесть о Ерше Щетинникове (без заглавия). Третий сборник состоял из одной тетради (лл. 74—79) и заключал в себе „Испытание веры“ (без начала), скоропись конца XVIII века (водяной знак — герб г. Амстердама). Четвертый сборник (лл. 80—118) состоял из пяти тетрадей (в последней не хватает заключительного листа), переписанных скорописью конца XVII века (водяные знаки — герб г. Амстердама и голова шута), и заключал: 1) „Повесть о азовском осадном сиденье“, 2) „Повесть царя Соломона и о царе Китоврасе“, 3) „Сказание о киевских богатырех“ (без конца).

„Повесть о Ерше Ершовиче“, находящаяся в этой сборной рукописи, является едва ли не самым древним списком этой „Повести“, так как относится несомненно к XVII веку.¹ Значение его еще возрастет, если иметь в виду, что он относится ко второй редакции „Повести“ (по классификации В. П. Адриановой-Перетц). До сих пор было известно четыре списка этой редакции,² из которых единственный полный (ГПБ, О. XVII. 17) представляет собой более поздний распространенный вариант второй редакции, два (ИРЛИ, собрание Перетца, 0.98 и ГИМ, собрание Барсова, № 2407) — отрывки, а напечатанный В. П. Адриановой-Перетц список ГИМ, собрание Уварова, № 1926 не имеет конца и текст его значительно подновлен по сравнению с текстом помещаемого здесь списка. Таким образом, только по этому списку мы можем судить о наиболее древнем тексте второй редакции в его полном виде.

¹ См.: Библиография истории древнерусской литературы. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940. В помещенном здесь перечне списков „Повести о Ерше“ к XVII веку отнесены: текст, напечатанный по списку Ф. Ляликова в „Московском телеграфе“ (1832, № 18), сборник Погодина, № 1604 и список ГПБ, О. XV, № 35. Относительно первой рукописи (Ляликова) В. П. Адрианова-Перетц пишет (ук. соч., стр. 127): „Издатель ошибочно относит свою рукопись к XVII в., между тем как форма текста в ней ясно указывает на время не раньше 5 ноября 1721 г., когда указом Петра I было предписано составлять челобитные и донесения по пунктам“. Таким образом, этот текст выпадает из числа списков, относимых к XVII веку. Что же касается двух остальных, то, если даже они и действительно относятся к XVII веку, ценность их значительно уменьшается тем, что список ГПБ, собрания Погодина, № 1604 не имеет конца, а список ГПБ, О. XV, № 35 представляет собой отрывок, к тому же очень ветхий. Список Института русской литературы написан хорошей скорописью и доведен до конца; недостатком его является отсутствие в середине текста двух листов, но их легко восстановить по другим спискам.

² В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 128.

Указанные соображения послужили основанием для публикации списка „Повести“ по собранию Института русской литературы. В сносках указаны его особенности по сравнению со списками Уваровским № 1926 (У) и Перетца 0.98 (П).

* * *

л
хр.ан.
имли
7

[В море перед большими рыбами сказание о Ерше и о ершеве сыне о Щетине о ябеднике, о воре, о разбойнике, о лихом человеке, как с ним тегались рыбы Лещ да Головоль].¹

Лета 7105 декабря в день было в Большом озере Ростовском съезжаяся судии всех городов;² имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом Больших Волских предел, судные мужики Судок да Щукатрепетуха.³ Челом били Ростовского озера жильцы Лещь да Головоль на Ерша на Щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: „бьют челом и плачутца сироты божи и ваши крестьянишка, Ростовского озера жильцы Лещь да Головоль. Жалоба, господа, нам на⁴ Ерша на ершова сына на Щетинника, на ябедника, на вора, на разбойника, на ябедника, на обманщика, на лихую,⁵ на раковые глаза, на острые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих. А тот Ерш Щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги, из Ветлужскаго поместья, из Кузьмодемьянскаго стану Которостью⁶ рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими приволокся в зимнюю пору [на ивовых санишках]⁷ и загрязнился и зачернился,⁸ [что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку реку против Дудина монастыря],⁹ и как пришел в Ростовское озеро, и выросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестьянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. [И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками].¹⁰ А, пожив, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке.¹¹ И тот воришко Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере да подале нас жил и з детьми расплодился да и дочь свою выдал за Ван-дышева сына и (расплодился с племянем своим),¹² а]¹³ нас, крестьян ваших, перебили и переграбили и из вотчины вон выбили и озером завладели насильством з женишком своим и з детишками. А нас

¹ Печатаемый список „Повести“ не имеет заглавия, восстанавливаем его по списку У.

² Так начинается список Забелина № 546 (ГИМ), по классификации В. П. Адриановой-Перетц — третьей редакции, но с другой датой 7231. В У бысть в некотором граде Ростовского уезда суд судил.

³ В У в качестве судей назвачи лишь боярин Осетр, воевода Сом и судные мужи Судок и Щука.

⁴ Отсюда начинается список П.

⁵ В У и П образину.

⁶ В У Вырскою.

⁷ В У и П текста в скобках нет.

⁸ В У вместо этого захурился и заморозился аки рак и ноздри заморался, в П захурился и замарався, зачернился, а для того зачернился.

⁹ В У вместо текста в скобках а кормился идучи по болотам.

¹⁰ В У и П текста в скобках нет.

¹¹ В П нет, в У Кудме.

¹² В П вместо текста в круглых скобках розпламенился и стакался.

¹³ В У вместо текста в квадратных скобках ина Расплевина сына и стокался с племянем своим скопом и заговором.

хощет поморить голодною смертию. Смилуйтесь, господа, дайте нам на него суд и управу“.

И¹ судии послали пристава Окуня по Ерша по Щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд пошел. И на суде спрашивали Ерша: „Ершь Щетина, отвечай, — бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?“. И ответчик Ершь перед судиями говорил: „Господа мои, судии, им яз отвечаю а на них яз буду искать безчестия своего и назвали меня худым человеком. А яз их не бивал и не граблывал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истаринший человек, детишка боярские мелких бояр по прозванию Вандышевы Переславцы,² а те люди — Лещ да Головлъ были у отца моего в холопах. Да после, господа, яз батюшка своего, не хотя греха себе, по батюшкове душе отпустил их на волю и з женишками и з детишками. А на воле им жить за мною [во христианстве].³ А иное их племя и ноне есть у меня в холопах во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние⁴ лета и стало в том озере хлебная⁵ скудость и голод велик, и тот Лещ да Головлъ сами сволоклися на Волгу реку и по затонам⁶ разлилися,⁷ а ныне меня, бедново, отнють продают напрасно. [И, коли оне жили в Ростовском озере, и оне (мне никогда и свету не дали, ходят поверх воды).⁸ А я, господа, божиею милостию и отцовым благословением и материню молитвою]⁹ не чмут,¹⁰ ни вор, ни тать и ни разбойник, а поlishнаго у меня никакова не вынимывали.¹¹ Живу я своею силою и [правдою отеческою],¹² [а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй],¹³ знают меня на Москве князи и бояря, [и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки, и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и]¹⁴ [городах и]¹⁵ едят¹⁶ меня в ухе с перцем и шавфраном¹⁷ и с уксусом и [во всяких узорочиях],¹⁸ а поставляют меня пред собою чесно [на блюдах. И многие люди с похмеля мною оправливаютца“].¹⁹

¹ В П далее в начале каждого абзаца поставлены заглавия допрос судейской, ответ Ершов.

² В П Переславля Залеского.

³ В У вместо текста в скобках пить и кормить нас собою.

⁴ В У и П вместо этого ведряное.

⁵ В У нет.

⁶ В У и П затокам.

⁷ В У расселилися, в П кормилися.

⁸ В П вместо текста в круглых скобках на свете не бывали.

⁹ В У вместо текста в квадратных скобках на мою голову с челобитьем воскошалися, от чего мне жития не стало, похотя меня всего испродать напрасно. А от меня от крестьянства, что ани сами воровством своим в Ростовском озере на свету не бывали, а я отцовских моих вогчин и ныне живу.

¹⁰ В У нет, в П вместо этого смутник.

¹¹ В У нет.

¹² В У вместо текста в скобках кормлюсь вотчинкою, в П да вотчинкою.

¹³ В У нет.

¹⁴ В У вместо текста в скобках дьяки и гостинные сотни во многих; в П и дети боярские, гости и усяких чинов московские люди, что есть человек доброй, ни смутник, ни ябедник.

¹⁵ В П текста в скобках нет.

¹⁶ В У кушают.

¹⁷ В П чевраном.

¹⁸ В П со всяким узорочьем.

¹⁹ В П вместо текста в скобках мною с похмеля выправливаются, съсечи меня и перста оближут и губы обсосут; в У с похмеля животы справливают.

И судии спрашивали Леща с товарищи: „Что Ерша еще уличайте ли чем?“. И Лещ [говорил:]¹ „Уличаем божие² правдою, [да кресным целованием и вами, праведными судиями. Да сверх кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие данные или крепости какие не быть?“. И Лещь сказал: „Пути де у нас и данные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево и как он, Ершь, тем озером завладел сильно, и всем то ведамо, что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством“. И Лещь с товарищем слалися:]³ „Сшлемся, господа, из виноватых [на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге],⁴ а зовут его рыба-Лодуга,⁵ [да на другово доброво человека, а живет он под Новым городом в реке, зовут его Сигом].⁶ Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро изстарини наше, а не Ершево“.

[И судии спросали Ерша Щетинника: „Ершь Щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?“.]⁷ И Ершь им говорил: „Господа-праведные судии,⁸ Лещь с товарищи своими—люди⁹ прожиточные, а я—человек небогатой, [а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в дальнем разстоянии. Шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге и оне хлеб и соль с теми людьми водят меж собою“.

И Лещь с товарищем: „Шлемся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут ево Сельдь-рыба“.

И Ершь так говорил: „Господа мои, судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди во племяни, промеж собою ссужаютца и они по Леще кроют“. И судии спрашивали Ерша: „Ершь Щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги, а живешь ты от них подалеку?“. И Ершь говорил так: „Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем, а се Лещь, он с ними во племяни“].¹⁰

[И судии спрашивали и приговорили Окуню-приставу—съездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их пред судиями].¹¹ И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых Мня. [И Мень ему отказал: „Что ты, братец,

¹ В П вместо текста в скобках да Головаь подали сылочную челобитную, а сами толкое говорили: „господа наши, судьи“; в У они Ерша почели уличать и говорить: „господа наши, судьи“.

² В У всею.

³ В У нет, в П вместо текста в скобках и женским целованием и вами, праведными судьями, да сверх, господа, веры и женского целования.

⁴ В П вместо текста в скобках есть у нас человек доброй третей, а живет он под Великим Новым градом в Ладоском озере; в У на свидетелей. Есть у нас добрые люди и свидетели в Новгородской области в Ладужском озере.

⁵ В У белуга.

⁶ В П вместо текста в скобках да есть у нас человек четвертой доброй, а живет он под Иваном градом в Нарове реке, а зовут... (далее в П нехватает одного листка); в У да в Неве реке доброй же рыбы Селява, да в Переславском озере рыба Сельть Залеская.

⁷ В У нет.

⁸ В У добавлено на рыбу Белугу и Силяву, Сельть не шлюсь для того, что они в племени и пьют, ядят вместе, и по мне за тем не скажут.

⁹ Отсюда начинается П.

¹⁰ В П вместо текста в скобках съезду мне платить нечем, потому что путь стал дальней; в У а езды платить мне нечим и путь дальней.

¹¹ В П вместо текста в скобках В приговоре судей Окуню приставу правда поставити пред судьями, а езд на виноватом; в У И судьи послали мимо исцов и ответчиков рыбу Окуня, а езд возметца на виноватом.

меня хочешь взять, а я тебе]¹ не пригожуся в понятияе — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу,² а се у меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею“.³ [И пристав Окунь отпустил Мня на волю, да взял]⁴ в понятияе Язя да Са[блю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судьями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: „Скажите, что ведаете промеж Леща да Ерша, чье изстарини то Ростовское озеро было?“. И правду сказали третие: „То де озеро изстарини Лещево да Головлево“. И их оправили: „Господа,⁵ люди добрые, а крестьяня они божи, а кормятся своею силою, а тот Ершь [Щетина]⁶ лихой человек, [поклепщик беда, обманщик, воришко, воришко-ябедник].⁷ А живет по рекам и по озерам на дне, а [свету мало к нему]⁸ бывает, он таков, что змия ис под куста глядит. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам вывернетца он, [аки бес].⁹ А где он впроситца начевать, и он хочет и [хозяина то выжить. И как та беда розплодился, и он хочет и]¹⁰ вотчинника то посесть, да многих людей ябедничеством своим¹¹ изпродал и [по дворам пустил],¹² а иных [людей пересморкал].¹³ [А Ростовское озеро Лещево, а не Ершево“.

И судии спрашивали у Ерша: „Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и даные и какие крепости?“. И Ершь так говорил: „Господа, скажу я вам, были у меня пути и даные и всякие крепости на то Ростовское озеро, и, грех ради моих, в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и даные згорели“.

И судии спрашивали: „Скажите вы про тово Ерша, назывался он добрым человеком да знают де ево князья и бояря и дворяня и дети боярские, и дьяки, и подьячие, и гости, и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых Переславцы“. [„А мы, господа, стороны, про нево скажем вправду]¹⁴ — знают Ерша [на Москве]¹⁵ бражники и¹⁶ голыши и всякие¹⁷ люди, котрым не [сойдетца]¹⁸ купить добрые рыбы, и он купит ершев, на пол-

¹ В П вместо текста в скобках И Мень тако рек: „господа мои, судьи“; в У И Мень сказал судьям, что.

² В П добавлено да и тые в ямы.

³ Здесь оканчивается список П. В У добавлено и память худа.

⁴ В У вместо текста в скобках И за тем ево для хворости отпустили и взяли.

⁵ В У вместо текста в скобках блюда пригоршни мелкой рыбы. И свидетели и по сыску сказали: „Лещ да Головлъ“.

⁶ В У текста в скобках нет; добавлено ябедник.

⁷ В У вместо текста в скобках крестьянин.

⁸ В У вместо текста в скобках на свету мало.

⁹ В У текста в скобках нет.

¹⁰ В У текста в скобках нет.

¹¹ В У свое ябедничество.

¹² В У вместо текста в скобках ково де попустил.

¹³ В У вместо текста в скобках поморил голодную смертью. От роду у него в детех боярских не бывало истари.

¹⁴ В У вместо текста в скобках Да он же де, Ерш, сказывал, бутто ево знают в Москве и кушают князья бояря, и правду ли объявляет?

¹⁵ В У нет.

¹⁶ В У добавлено кабацкие.

¹⁷ В У добавлено нужные.

¹⁸ В У вместо текста в скобках на что.

деньги [возмет много есть, а более того хлеба]¹ разплует, а досталь² собакам³ за окно вымечют или на кровлю выкинут. А из старины словут Вандышевы-Переславцы. А промыслу у них никакова нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик и обайщик и ведомой воришко⁴.

И судии спрашивали Осетра: „Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про него ведаешь“. И Осетр, стоячи, молвил: „Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду: знают Ерша на Москве князи, и бояря и всяких чинов люди, толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которос[ти]. . .⁴ б. . . сына назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голodu поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал“.

А Сом-воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: „Право, он прямой человек, ведомой вор, мне он не одно зло учинил — брата моего болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся. А когда брат мой болшей Сом вверх по Волге реке шел, и тот Ершь Щетина — ябедник и бездушник, встретил ево, брата моего, и почал с ним говорить, а в тое время брата моего неводом обкидали и з детьми, а тот Ерш стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?». И брат мой спраста молвил: «Я де вижу Волгу с вершины и до устья». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моего и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор — Ершь Щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моего на берег выволокли, да обухами и з детми прибили. И Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор“.

И судии вправду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать и выдали Лещу с товарищи Ерша Щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Лещи и повернулся к Лещу хвостом, а сам почал говорить: „Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста“. И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины что лютые рогатины или стрелы, нельзе

¹ В У вместо текста в скобках половину их розмечут, а другую.

² В У вставлено выльют под ноги да есть.

³ Здесь оканчивается список У.

⁴ Далее в рукописи недостает двух листов; взамен утраченного текста вставляем соответствующее место из списка собрания Буслаева (ГПБ, О. XVII. 57), первой четверти XVIII века, напечатанного В. П. Адриановой-Перетц (ук. соч., стр. 149—150) к Ростовскому озеру и рекам жирым жировать, а тот Ерш встретился со мною на устье Ростовского озера и назвал меня братом. А я лукавства ево не ведал, а спросать было неково про него, лихова человека. И он меня спрашал. куды де ты идеш, братец Осетр? И я ему сказал. иду де я к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировагъ [здесь пропуск, восполняемый списком Забелина № 536 (ГИМ), XVIII века. И, братец де Осетр, не ходи сюда. Как де я шол из Волги реки рекою Которостью], стоял де я тебя, братец, поболе и пошире твоих бока мои терлися о Которость реки, з береги на берег, а очи мои были полныя чаши, а хвост мой был как большова судна парус, сорок сажений. А ныне ты, братец, видиш и сам [пропуск; в списке Забелина № 536 каков я], иду ис того Ростовского озера. И я ево послушал, на ево лесные слова пался.

никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером по прежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестиянех. Взяли оне, Лець с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от него впредь беды не было какой. А за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омуту рыбным бить ево кнутом нещадно.

А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынскаго моря, да Сом з болшим усом, да Цука-трепетуха. Да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за ево вину — рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Чернышев да другой Терской. А понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да целовальник переписывал животы и статки пять или шесть Подузов Красноперых да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да и над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником — Треска Жеребцов Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали. И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк — Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерлеть с носом, а подьячей у записки в Печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремной сторож — Жук Дудин.
